

УДК 821.511.926

МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ, МИФОМ И ВЫМЫСЛОМ: ОБРАЗ ИЖЕВСКА В УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ 1990-Х ГОДОВ

А. А. Арзамазов

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Статья посвящена образу г. Ижевска в удмуртской поэзии 1990-х, представленной художественными картинами мира М. Федотова, В. Шибанова, П. Захарова. Выявляются сквозные урбанистические мотивы, образы, их смысловые грани, осуществляется попытка прочтения «психологического текста» города. Очевидно, что город в удмуртской поэзии на рубеже столетий становится ключевым литературным символом, в творческом восприятии синтезирующим «пласты» реальности девяностых, удмуртские мифологические представления и авторские неомифологические вымыслы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная удмуртская поэзия, образ города, урбанистический хронотоп, психология восприятия, девяностые.

A. A. Arzamazov. BETWEEN REALITY, MYTH AND FICTION: THE IMAGE OF IZHEVSK IN UDMURT POETRY OF THE 1990s

The article is devoted to the image of Izhevsk in Udmurt poetry of the 1990s, represented through artistic pictures of the world of M. Fedotov, V. Shibanov, P. Zakharov. Cross-cutting urban motifs, images, their semantic faces were identified, an attempt was made to read the "psychological texts" of the city. In Udmurt literature at the turn of the century Izhevsk has obviously become a key literary symbol in the artistic perception, which synthesized Udmurt mythological ideas, authors' imagination, and the reality of urban life in the 1990s.

Key words: modern Udmurt poetry, image of the city, urban chronotope, psychology of perception, the nineties.

К числу наиболее интересных и культурологически знаковых конфигураций визуальности в современной удмуртской поэзии (и литературе в целом) относится образ города. Будучи одним из примечательных символов в мировой гуманитаристике, этот образ располагается одновременно в нескольких пространственных зонах культуры: в «тексте» реальности, являя собой средоточие физических объектов мира природы или искусственной среды, в зоне художественной визуализации – как ключевой

изобразительный знак, участвующий в семиозисе эпохи, как элемент вербального текста, имеющий свою этимологию и включенный в идиоматику языка. Образ города в литературе может рассматриваться с разных позиций, как правило, это осуществляется на пересечении различных гуманитарных дисциплин. Наиболее существенные результаты в исследовании «урбанистического континуума» литературы обычно связывают с именами В. Н. Топорова [1980, 2003], Ю. М. Лотмана [1984], В. В. Абашева

[2000, 2009], В. В. Иванова [2007], В. Брио [2008]. В работах перечисленных ученых выработана универсальная концепция «городского текста», применимая к любым городам, урбанистическим системам. Следует заметить, что география городов, отраженных в словесном творчестве, постоянно расширяется (речь идет о России). Официальная и культурная столицы – Москва и Санкт-Петербург – в силу централизованности страны, художественной традиции остаются главными *genius loci* русской литературы и литературоведения, однако интенсивно формируются региональные городские измерения. Екатеринбург, Воронеж, Калининград, Пермь, Казань, другие города «обрастают» текстами, авторскими восприятиями, участвуют в создании своеобразной урбанистической интертекстуальности, где перекликаются «свое» и «чужое», «общее» и «особенное». Вместе с тем российский город может являться сложным этнокультурным образованием, аккумулировать этнопсихологические конфликты, становиться пространством борьбы, противостояния традиционной культуры, этнической картины мира и современной индустриальной реальности.

Главный город удмуртской литературы – Ижевск. История его поэтического восприятия начинается с первой четверти XX столетия. С одной стороны, Ижевск в зеркале национальной поэзии в эпоху революционных потрясений осознается как город больших социальных возможностей, карьерных перспектив. С другой, русскоязычный город для удмурта абсолютно чуждое измерение: здесь не «работают» привычные для села, деревни ментально-поведенческие установки, иной темпоритм коммуникации и репрезентации, преобладает «не свой» язык. В удмуртской соцреалистической литературе градус художественного изображения образа города существенно меняется: Ижевск превращается в своеобразный урбанистический рай, в город-сказку, город-мечту. На его проспектах-площадях «геройствует» советская молодежь, город улыбается лицами ликующих пионеров/комсомольцев, живет социалистическими праздниками. Именно в данный период развития удмуртской поэзии наряду с Ижевском актуализируется образ Москвы, сытой, торжественно-радостной столицы великого государства. В литературе 1990–2000-х годов хронотоп города занимает ключевое место. Ижевск демонизируется, подчеркивается его угнетающая индустриальность, абсолютизируются его неэтничность, «антиудмуртскость». Поэты, художники мистифицируют городское пространство: им часто легче спрятаться, затаиться в вымышленном, мистиче-

ском мире, чем жить по «реалистичным» обычаям этого города, отвергающего этническую картину мира, попытки творческой самореализации.

Яркие примеры удмуртской поэтической урбанистики явлены в творчестве Михаила Федотова. Изначально город в восприятии лирического индивидуума окружен амбивалентными мотивами (1980-е). В девяностые положительный, романтический вектор ощущения города сходит на нет, уступает место решительному неприятию, желанию как можно скорее убежать, уехать, вырваться из лабиринта кирпично-панельных джунглей. Стоит заметить, что реальность поэзии vs Ижевск разошлась с реальностью жизни М. Федотова. Профессионально реализованный, востребованный литератор и редактор, получил квартиру, формально мог считаться ижевчанином, однако в художественном измерении регулярно проявлялась душевная, «ментальная» отягощенность новообретенным городским статусом, образом жизни. Ижевск не был и не становился своим, забирал близких, родных людей. Природа малой родины казалась поэту «подобьем выхода» (К. Кавафис), она ассоциировалась со счастливыми воспоминаниями детства, юности. В книге «Вось» («Больш») акцентирована противопоставленность города и деревни, эмоциональное наполнение урбанистических и природных текстов диаметрально противоположное. Ижевск в стихах М. Федотова часто изображается сквозь непогоду, над городом кружатся ветры, его заливают дождем, засыпает снегом, он погружен в слякоть, грязь. Таким образом нередко передаются эмоционально-смысловые доминанты авторской картины мира. Так, в стихотворении «Советской ульчаті калге кезьыт ыр тол» («По улице Советской блуждает холодный ветер») [Федотов, 1991. С. 31] ветер, вьюга, дождь, обрушившиеся на Ижевск, содержательно связаны с самоощущением и самопредставлением «Я», высвечивают минорность, драматичность поэтического мировосприятия Федотова, подчеркивается некая оторванность субъекта от земли, обыденно-нормальной человеческой жизни. Атмосферные образы-состояния природы символизируют душу, сердце, их неземную боль. Концептуальным мотивом урбанистических стихов М. Федотова можно считать мотив исхода, бегства из города. Эта сентенция зафиксирована в названии одного из разделов книги – «Мон городысь кошко уйшор уин» («Я из города уйду в полночь»). В одноименном центральном тексте [Федотов, 1991. С. 66] лирический герой объявляет о том, что однажды он покинет

город, вернется на скошенные луга, подчинится зову удмуртской крови. Жизнь в городской среде видится ненастоящей, унижительной, сотканной из обманчивых огней-миражей, лишенной подлинной свободы и полноты человеческого счастья. В стихотворении «Усиз ке, усёз ни лымы...» («Если выпал уже, будет снова падать снег...») [Федотов, 1991. С. 79] «Я» настолько стремится разорвать паутину ижевского бытия, быта, что готов к прыжку с высокого этажа, лишь бы приостановить собственные урбанистические страдания. Усугубляет этот порыв падающий снег. Выпав в снег, соединившись с природой, покинув город, герой надеется разойтись со смертью, обрести постоянное состояние творческого полета. Город и снег взаимодействуют с лирическим субъектом в тексте «Лымыен шобырске съёд асфальт» («Снегом покрывается черный асфальт») [Федотов, 1991. С. 78]. Город на мгновение становится чистым, ясным, он перестает казаться герою адом, очищается от индустриального пепла. В сиюминутной очарованности белым пейзажем растворяются тяжелые ожидания и болезненные воспоминания. «Я» начинает ощущать свою инаковость, целостность, «белизну» своего внутреннего мира. Затерянный в снегах Ижевск не имеет границ темпоральности – есть только Здесь и Сейчас. Город для воспринимающего сознания освобождается от культурной и индивидуальной информации, обычно предопределяющих качество, степень взаимоотношений человека и хронотопа. Несколько контрастирует с содержательным «целым» текста последняя строка. Снежное преобразование, временная чистота, отсутствие привычного темпорального давления в целом не меняют зловещую сущность города. Над ним ветрами разносится кровь народа. В этом трагическом обертоне, по-видимому, слышится эхо ранних смертей коллег и друзей М. Федотова, известных удмуртских писателей.

Город в книге «Вось» является сквозным автобиографическим концептом. Поэт в конструировании своих городских сюжетов обращается к собственному опыту урбанистических переживаний, который является и опытом коллективным, «поколенческим». Характерологические черты Ижевска у М. Федотова достаточно устойчивы – ночь, дождь, снег, грязь, холод, неизвестность, усталость, обиды, предчувствие смерти. Они говорят сами за себя, концептуализируют реалии и мифы бытия и быта удмуртского интеллигента на рубеже эпох. На этом образно-мотивном языке об Ижевске будут писать В. Шибанов, С. Матвеев, П. Захаров, В. Ар-Серги. В сборнике «Вось» немало

городских текстов, в которых «Я»-персонаж не является доминирующим, единственным субъектом сюжета. Колоритным урбанистическим локусом, согласно М. Федотову, является базар, своеобразный «бермудский треугольник», без разбора поглощающий людей. И вновь перед читателем предстают картины из ижевской реальности конца 1980-х – начала 1990-х. Акцентуация базарного топоса в стихотворении «Калык визыл базар пала ваське» («Поток народа спускается к базару») [Федотов, 1991. С. 65], его важность, популярность среди ижевчан, пусть отдаленно, наводят на мысль об их восточно-азиатском укладе жизни, ориентальном сознании, векторе поведения. «Я» в данном случае грамматически не активировано, лирическим действием в широком смысле управляют городские образы. Авторское сознание, отвлеченное от персоналистического мышления, переключается на лица, характеры посторонних людей. Пример – стихотворение «Трамвайын» («В трамвае») [Федотов, 1991. С. 77]: в трамвае едет старик с балалайкой, вокруг этого персонажа выстраивается лирическая концепция произведения. Чудаковатый дедушка, погруженный в себя, в прожитые годы, вызывает недоумение, непонимание у горожан-пассажиров. В очередной раз подчеркивается, пусть и на периферии стихотворного дискурса, что Ижевск не расположен к человеку с добрым, светлым началом. Одно из наиболее сильных, знаковых произведений сборника «Вось» стихотворение «Пушкин урам тырмемын калыкен» («Пушкинская улица наполнена народом») [Федотов, 1991. С. 67] также коррелирует с темой города. В урбанистическом зеркале отражается закат советской эпохи – пустые полки магазинов, красные знамена демонстраций, толпы людей, из последних сил и надежд выходящих на улицы и площади. М. Федотов документально, убедительно запечатлевает переживаемое время, не боится продемонстрировать свою антисоветскую позицию. Плач страны «перевешивает» уличный гам, лишает поэта надежды на долгожданную тишину и покой.

В аспекте исследования удмуртской поэтической урбанистики нельзя оставить без внимания творчество Виктора Шибанова. Его книга «Öс» («Дверь», 2003) – пожалуй, одно из наиболее интересных, художественно симптоматичных явлений в удмуртской литературе рубежа столетий. Тексты, включенные в сборник, датированы 1991–1995 годами: поэт возвращается к девяностым, их энергетике, визуальности. Образ Ижевска в этой книге является сквозным – он оживает, становится активным действующим лицом, наблюдающим, а еще чаще –

вмешивающимся в жизнь авторского субъекта. Человек чувствует и поэтически описывает, как город покушается на его внутреннее спокойствие, забирает и обесценивает время, лишает мотивации, манипулирует поведением. Восприятие Ижевска в стихах Виктора Шибанова имеет существенное автобиографическое начало. Обращаясь к текстам, невозможно оставить без внимания модель экзистенции самого поэта в первой половине 1990-х: дом-общежитие, серо-унылые улицы, ведущие в alma mater, вросшие в грунт и грязь хрущевки, автобусно-троллейбусные встречи с ментально чуждыми людьми. Столица Удмуртии в сборнике «Ос» представлена как вполне реалистичными пейзажно-панорамными деталями, так и серией метафор, мифологем. В одном из открывающих книгу текстов Ижевск огромной серой стеной изолирует, замуровывает героя, не оставляя шансов выбраться из бетонной паутины [Шибанов, 2003. С. 4]. Его любовные отношения запутаны, сложны, любовь как будто страшился городской действительности, прячется в сновидениях, обрастает вымыслами в полусонных мечтаниях мужского «Я». В дне сегодняшнем, в осязаемом мире, представленном в стихотворении «Ульчаосын сино ни черодъёс...» («На улице все меньше очередей...») [Шибанов, 2003. С. 5], – непонимание, обиды, сломанные судьбы и жутковатое устройство города, подавляющее, вовлекающее в зависимость, подчиняющее своим ритмам. «Рисунок» Ижевска снова выдержан в мрачно-сумеречных тонах повседневности. Люди, живущие здесь, словно не видят настоящего света, они превращаются в серые тени – одноликие, грустные, потерянные. Одним из художественно-изобразительных штрихов ижевских хронотопов в творчестве В. Шибанова являются разрушенность, визуально фиксируемая ущербность, деформированность. В тексте «Фрейдья» («По Фрейду») [Шибанов, 2003. С. 17–18] разбитое стекло киоска становится неким образным синонимом внутренней разбитости лирического субъекта, разделяющего с полночью злобу невзаимной любви. В городских условиях не теряет свою остроту мифологическая чувствительность/впечатлительность «Я», детерминированная подсознательной включенностью в удмуртскую традиционную культуру. Страшилки, рассказываемые во время святок (*вожодыр*), накладываются на мистическую природу Ижевска, «рифмуются» со зловещей сущностью города.

Примечательным с точки зрения художественной репрезентации жизни удмуртского поэта, филолога в Ижевске 1990-х представляется

цикл «Пож ву» («Грязная вода») [Шибанов, 2003. С. 21–24]. Восемь небольших текстов фрагментируют мысли, чувства героя. Его угнетают собственное материальное положение, нерешенность жилищного вопроса, осознание своей социальной беспомощности, бесперспективности. Впрочем, авторский субъект привычно воспринимает внешнюю городскую реальность, «бытовизмы» общежитского заключения, тотальное безденежье как некий сюрреалистический пейзаж/натюрморт/ситуацию, как объект для творческого описания. Так, визуальный образ густой, грязно-красной воды, стекающей по подоконнику и имеющей банально-естественное происхождение (тает мясо), вдруг оказывается важным «постмодернистским» знаком, побудительным сигналом к действию («Одно ик гоштыны кутско роман» – «Непременно писать начну роман»). Творческо-поэтическое самосознание, умение уходить в измерения науки и искусства в случае с лирическим «Я» выступает как экзистенциальный стержень, позволяющий несколько свысока смотреть на объективные обстоятельства эпохи, сопоставлять сценарий своей судьбы с судьбами великих людей, оказавшихся в сложной ситуации. Упоминание Иосифа Бродского, которому пришлось пережить суды, психбольницы, эмиграцию, неслучайно: драматическая значительность биографии русского поэта сталкивается с бытовым негодованием «Я», и тем самым, по-видимому, происходит некая психологическая разрядка, переключающая (правда, не сразу) авторское повествование на более жизнеутверждающую тональность. Колоритный образ города представлен в произведении «Мар-о луиз?» («Что случилось?») [Шибанов, 2003. С. 29–30]. Герой уже с утра ощущает на себе неприязнь урбанистической реальности – телефонные автоматы сломаны, когда срочно нужно позвонить, троллейбус срывается с места, не дожидаясь «Я»-пассажира. Кульминация стихотворного сюжета – диалог лирического субъекта с тридцатипятиэтажным Тенью-Туманом, который объявляет себя его защитником, покровителем, вдохновителем, подчеркивая особую взаимосвязь персонажа с городским хронотопом. Стихотворение не обходится без образно-оценочных характеристик Ижевска: город снова закрыт, «отрезан» дымом-сумерками, трубы заводов беспощадно отравляют небо, тусклые огоньки ижевских окон заменяют людям солнечный свет. Важное стихотворение в плане художественной логики изображения Ижевска В. Шибановым – «Уртъёс» («Души умерших») [Шибанов, 2003. С. 38–39]. Лирический субъект, возвращаясь в столи-

цу, сталкивается с ее иномиром, погруженным в «мистериальные» дым и туман, оттенки которых резонируют с полумраком сумерек, с предсонным настроением, мистифицируют жизнь города. Герой едет в пустом автобусе, за окнами мелькают огни нефтяных вышек, выкачивающих недра удмуртской земли. «Я» в сумеречной синеве ощущает присутствие на свободных сиденьях душ умерших, спешащих в Ижевск по своим делам. Подчеркивается, что они там востребованы. Ижевск поэтически сравнивается с водоворотом, который «проглатывает» жизненные силы, оставляя взамен пустоту и равнодушие. Автор полагает, что в этом городе процветает дьявольский род (*шайтан выжы*), а чувствительный человек обрекает себя на мучительное внутреннее замерзание, здесь его ждет вязкое одиночество. Неизменным сегментом образной манифестации Ижевска Виктора Шибанова являются заводские трубы. Примечательно, что Ижевск в поэтическом творчестве В. Шибанова как первичный образ обозначился в начале 1990-х. В эти годы поэзия была его главным интересом (позже на первый план выходит литературоведение, теоретизация этнофутуризма), а жизнь в общезитии, думается, обостряла восприятие ижевских реалий, делала поэта ближе к городу. Кроме того, урбанистический код усилил свое влияние в национальной литературе и в связи с постсоветскими поисками новых художественных центров, новых изобразительных доминант, героев и антигероев времени.

Казалось бы, что Ижевск непременно должен заявить о себе в поэтических мирах Петра Захарова – художника, сформировавшегося в 1980–1990-е, когда урбанистические образы и переживания интенсифицировали развитие национальной литературы и несли в себе значительную биографическую достоверность. Однако в стихотворных сборниках упомянутого поэта столица Удмуртии остается где-то в стороне, на границе видимости и слепоты, между авторскими воспоминаниями и читательской визуализацией сюжета. Редкие художественные «обрывки» города приходится собирать по крупитцам, хотя урбанистический контекст жизни лирического субъекта явственно ощутим. Обратимся к отдельным мотивам и сюжетам поэзии П. Захарова, в которых отражение города улавливается читающим глазом. Несколько урбанистических пассажей, которые в нашей статье нельзя умолчать, имеют место в сборнике «Вож выж» («Зеленый мост»). Город возникает тогда, когда художественно актуализируется социопсихологическая проблематика (жизнь удмурта в постсоветской городской среде).

В пятом стихотворении цикла «Пу-пу» [Захаров, 2001. С. 56] Ижевск объявляется городом пустоты, обмана, над ним кружатся, кричат вороны. В тексте в качестве характерологического компонента привлекается звуковой код (р/ш = агрессия, злость). «Мы» (*асьмеос*), местоимение любви, уже изначально вводится в контекст нереализуемой совместности, безысходности, «обманности». Ижевск фигурирует в четвертом тексте еще одного раздела «Сайканъёс» («Пробуждения») [Захаров, 2001. С. 69] и в целом передает гамму лирических ощущений, общих для удмуртских поэтов 1990-х. Субъект чувствует себя здесь чужим, потерянным, подавленным своей беспризорностью, беспомощностью, ему холодно. Ижевская панорама вновь состоит из дыма, человек на улицах города становится похожим на бездомного пса. Еще один важный текст Петра Захарова, не рассматриваемый ранее и спорный с этической точки зрения, – «Кочышпиез но мон ой быгаты...» («И котенка я не смог...») [Захаров, 2010. С. 52–53] был опубликован в книге «Карас». Текст этот является одиннадцатым в цепочке стихов, составляющих цикл «Удмурт тунолэн кырзанъёсыз» («Песни удмуртского туно»). П. Захаров, в отличие от большинства современных удмуртских поэтов, не имеет четко выраженных запретов, табу – в этом сила и слабость его творческой позиции. В центре сюжета – больница, где, согласно авторскому наблюдению, ежедневно делают десятки аборт. Дети подглядывают за ужасами этих операций, слышат женские крики, плач. Все это преподносится на фоне циничного, равнодушного города, «разрешающего» убивать. Как известно, в любом тексте «есть свои апории и парадоксы, опоры для смягчения» [Херльт, 2012. С. 19]. Петр Захаров в данном случае, по-видимому, бросает вызов интеллектуальным играм этнофутуризма, якобы оторванного от ижевской, удмуртской реальности, выражает свое резко негативное отношение к советской системе, «зацикленной» на стереотипах, не принимающей детей без отцов, матерей-одиночек. На границах текста менее всего эпатажа, в стихотворении, думается, обостряется сущностное несогласие поэта с *modus'om vivendi* социалистического общества, проявляется раздражение по поводу эстетических стратегий отдельных «утонченных» этнофутуристов.

В заключение, резюмируя рассмотренные и нерассмотренные поэтические сюжеты, творческие сентенции, реакции, необходимо заметить: Ижевск – относительно молодой город, чуть старше удмуртской литературы, и он достаточно поздно, однако стремитель-

но, попадает в орбиту ее художественных интересов, конфликтов, со временем превращаясь в один из ключевых образных символов. С уверенностью можно заключить, что в удмуртской литературе, поэзии 1990–2000-х начинает складываться самостоятельный жанр «городского текста», «обладающий устойчивой топикой, характерным синтаксисом, определенным набором оценочных суждений и стабильной семантикой» [Lachman, 2004. С. 401]. Ижевск не отличается большой концентрацией архитектурных памятников, наличием культовых исторических мест, выдающихся эстетических артефактов. Его литературно-художественные отражения не несут в себе глубинно кодифицированных культурных посылов, они в первую очередь являются экстраполяцией творческого воображения современных удмуртских поэтов, сочетая в себе мифологический и реалистический подтексты. Психологические пласты значительно преобладают над культурно-историческими. В целом Ижевск в ощущениях удмуртских писателей – город-завод, город-тюрьма, город-общежитие, здесь не хватает воздуха, природы, солнца, спокойствия, человеческого тепла, понимания. Это город обманов, миражей, иллюзий, разочарований, внутренних распадов, пустот, предотвратить, заполнить которые, кажется, невозможно. По всей вероятности, художественная рецепция Ижевска постепенно будет меняться. Есть основание полагать, что рано или поздно сложится комплекс осторожных положительных творческих дискурсов, а столица Удмуртии перестанет быть синонимом одиночества и боли удмуртской гуманитарной интеллигенции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Арзамазов Алексей Андреевич

научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртия, Россия, 426004
эл. почта: arzami@rambler.ru
тел.: 89120130223

Рассмотрение образа Ижевска в современной удмуртской поэзии вписывается в исследовательские стратегии, посвященные городам российской провинции.

Литература

- Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
- Абашев В. В.* Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. 199 с.
- Брио В.* Поэзия и поэтика города Wilno – Vilnius. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 264 с.
- Захаров П. М.* Вож выж: стихи, поэмы, переводы. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.
- Захаров П. М.* Карас: песни удмуртского шамана. Ижевск: Инвожо, 2010. 144 с.
- Иванов В. В.* К семиотическому изучению культурной истории большого города // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 165–179.
- Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. 18. Тарту, 1984. С. 30–45.
- Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избр. тр. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
- Топоров В. Н.* Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этнолингвистические контакты. М.: Наука, 1980. С. 3–71.
- Федотов М.* Вось: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 с.
- Херльт Й.* В ожидании варваров: Бродский и границы эстетики // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: Сб. науч. трудов и материалов. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 18–33.
- Шибанов В. Л.* Ос. Ижевск: Инвожо, 2003. 56 с.
- Lachmann R.* Город-фантазм. Образы Петербурга и Рима в творчестве Гоголя // STUDIA RUSSICA XXI, Budapest: ELTE, 2004. О. 397–435.

Arzamazov, Aleksey

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosova St., 426004 Izhevsk, Udmurtia, Russia
e-mail: arzami@rambler.ru
tel.: 89120130223